

В статье рассматриваются теоретические проблемы отношения к прошлому. Показана проблематизация истории и прошлого в современном украинском обществе. Исследуются проблемы памяти, коллективной памяти, социальной памяти, исторической памяти. Смена типов памяти соотносится с изменениями актуальной модели социального времени, отказом от революционной модели. Рассматриваются три типа (практическое, утилитарное прошлое; зафиксированное прошлое и сконструированное прошлое). В отношении к прошлому акцентируются не только значения и символы, приписываемые отдельным событиям и персонажам, но и технологии символизации.

Ключевые слова: социальная память, историческая память, актуализация памяти, прошлое.

У статті розглядаються теоретичні проблеми ставлення до минулого. Показана проблематизація історії і минулого в сучасному українському суспільстві. Досліджуються проблеми пам'яті, колективної пам'яті, соціальної пам'яті, історичної пам'яті, актуалізації пам'яті. Зміна типів пам'яті співвідноситься із змінами актуальної моделі соціального часу, відмовою від революційної моделі. Розглядаються три типи минулого (практичне, утилітарне минуле; зафіксоване минуле і сконструйоване минуле). У ставленні до минулого акцентуються не лише значення і символи, що приписуються окремим подіям і персонажам, але й технології символізації.

Ключові слова: соціальна пам'ять, історична пам'ять, актуалізація пам'яті, минуле.

У артыкуле разглядаюцца тэарэтычныя праблемы стаўлення да мінулага. Паказана праблематызацыя гісторыі і мінулага ў сучасным украінскім грамадстве. Даследуюцца праблемы «пам'яці», «калектыўнай пам'яці», «сацыяльнай пам'яці», «гістарычнай пам'яці», актуалізацыі пам'яці. Змена тыпаў пам'яці суадносіцца са змяненнямі актуальнай мадэлі сацыяльнага часу, адмовай ад рэвалюцыйнай мадэлі. Разглядаюцца тры тыпы мінулага (практычнае, ўтылітарнае мінулае; зафіксаванае мінулае і сканструяванае мінулае). У дачыненні да мінулага акцэнтуюцца не толькі значэнні і сімвалы, якія прыпісваюцца асобным падзеям і персанажам, але і тэхналогіі сімвалізацыі.

Ключавыя словы: сацыяльная памяць, гістарычная памяць, актуалізацыя памяці, мінулае.

The article is devoted to the theoretical problems of attitude towards the past. The author demonstrates the problematization of the history and the past in contemporary Ukrainian society. The problems of "memory", "collective memory", "social memory" and "historical memory" are examined. Change of types of memory is associated with the changes of the actual model of social time and the abandonment of the revolutionary model. Three types of the past - the practical, utilitarian past; the fixed past and the designed past - are discussed. Not only the values and symbols attributed to the particular events and characters but as well the technologies of symbolization are studied.

Key words: social memory, historical memory, actualization of memory, the past.

Неизбежным продуктом взаимодействия индивидов и коллективов индивидов по поводу производимых благ, ресурсов, статусных позиций и возможностей является *генерация новых неравенств*². Являясь проявлением базовой потребности человека и группы отличаться, оно состоит в движении от значимых различий к принципам дифференциации и далее – критериям стратификации.

Наблюдения последнего времени заставляют обратить внимание на отношение к прошлому в украинском обществе. Оценка деятельности исторических фигур, отношение к событиям в историческом прошлом и их интерпретация все чаще артикулируются в контексте *политико-идеологических противостояний*. Однако прежде чем вписывать отношение к прошлому в перечень социально-значимых различий, необходимо выяснить условия применения имеющихся теорий и подходов к условиям современной Украины, что собственно означает «отношение к прошлому» с точки зрения социологии, каков набор адекватных объяснительных моделей и подтверждаются ли они конкретными исследованиями.

Одним из следствий социально-экономической стабилизации конца 1990-х гг. и *подъема самосознания* после Оранжевой революции стало внимание к знакам прошлого в повседневной жизни. Симптомами политизации отношения к прошлому стали выступления и политические спекуляции вокруг мемориалов и памятников. Выступлениями «против» либо «в поддержку» сопровождалась установка памятника Екатерине II в Одессе, памятника С. Бандере

¹ Подготовка данной публикации осуществлена при поддержке программы «Переосмысляя социальное время и пространство: национальная, региональная и локальная парадигмы в преподавании Восточной и Центральной Европы», международный научный семинар Львовского научно-исследовательского центра «Общество пограничья: история и современность». Львовская область, июль 2007 г.

² Новые социальные неравенства / под ред. С. Макеева. Киев, 2006.

во Львове, князю Потемкину в Николаеве. Тайнственное исчезновение Памятного знака воинам УПА в Харькове напомнило «войну с памятниками» времен перестройки. Да и сами факты установки памятников, которая, очевидно не может совершиться без соответствующего решения органов власти, воспринимаются прежде всего как *политико-идеологическая, а не гуманитарная акция*. Актуализация отношения к прошлому стала отличительной чертой предвыборной кампании 2007 г. Партии и блоки призывали «помнить свое прошлое», в разной степени акцентируя представленные в этом слогане смыслы. Так, *актуальное прошлое* артикулировалось как *основание идентичности*. Помнить – значит периодически вспоминать, подтверждать статус достойного памяти человека или события – такой смысл актуализировали призывы к участию в ритуализированных действиях, церемониях коммеморации (митингах, шествиях, других формах почитания героев и жертв). Наконец, помнить свое прошлое – значит сделать правильный выбор среди истинных и ложных героев прошлого.

Своеобразной вершиной обращений к прошлому в контексте политических противостояний стали выступления президента В. Ющенко в День памяти жертв голодомора 23 октября 2007 г. в Харькове. Развивая властные инициативы в отношении увековечения памяти жертв трагедии, президент высказался о необходимости создания мемориалов памяти жертв Голодомора в Кисеве и Харькове. Была также отмечена потребность в изменении самого характера знания и представлений о Голодоморе, движения от мифов и замалчиваний к достоверным научным знаниям, документальным свидетельствам и правде каждой потерявшей близких семьи. Тем самым признание жертв Голодомора станет важнейшим актом самосознания украинской нации, трагедия которой должна расцениваться наравне с всемирно признанным Холокостом. Переходя от целей к средствам их достижения, президент не жалел глаголов долженствования. Он объявил активное и системное проведение в жизнь этих идей долгом власти вне зависимости от того, какие настроения и мнения по этому поводу присутствуют в обществе. Это требование, по словам президента, будет закреплено в законе об уголовной ответственности за отрицание Голодомора как геноцида украинского народа, который будет внесен президентом на рассмотрение парламента. Таким образом, авторитет главы государства связал здесь отношение к прошлому и актуальную позицию индивида во властной структуре (указанные заявления были сделаны на заседании Координационного совета с участием всех глав областных государственных администраций) и в социальном пространстве в целом. Иными словами, отношение к прошлому – это уже не личное дело каждого, а изучение украинской истории не заканчивается оценкой за школьный или вузовский курс, а непосредственно связано настоящим и будущим и максимально политизировано¹.

Однако актуальность данной темы не исчерпывается ее востребованностью политической риторикой. Внеполитические формы проблематизации истории и прошлого в украинском обществе также присутствуют, хотя реже попадают на глаза журналистов и на телеэкраны. Они чаще связаны с локальными историями: промышленного предприятия, региона или области, отдельной институции, и отмечены празднованиями, публикациями и дискуссиями «местного значения», но не только. Приписывание значимым событиям атрибутов «исторического» дискурса («первый украинский», «старейший в Украине», «история украинского ...» и т.д.) востребует легитимацию не только в рамках «локальной истории», но и в рамках истории Украины, хронологические, территориальные, событийные и т.д. рамки которой не во всем пока очевидны.

Так, недавно автоспортивной общественностью в Украине обсуждался вопрос о том, можно ли считать состоявшуюся 100 лет назад (8 сентября 1907 г.) автомобильную гонку (пробег) Одесса–Николаев–Одесса днем рождения автоспорта в Украине². Эти соревнования

¹ «Давайте мы увидим не миф, не легенду вчерашнего дня, а правду, которая коснулась каждой семьи», – сказал президент // Пресс-служба Президента Украины Виктора Ющенко, 23 октября 2007. «Святым делом должно быть достойное увековечение голода. Это обязанность власти, независимо от того, понимает это громада или нет», – сказал президент в интервью харьковским тележурналистам. Режим доступа: <http://news.mediaport.info/city/2007/46145.shtml>

² Некрасов В. Пробег через 100 лет <http://www.autocentre.ua/article/11670.html>

были первыми в своем роде в Российской империи, что является общепризнанным фактом. Отношения преемственности между современными соревнованиями и пробегом 100-летней давности также были установлены авторами цитируемой статьи без особых затруднений¹. Значительно больше вопросов участников интернет-форума вызвала привязка обсуждаемого события к украинской истории. Страна проведения соревнования – Российская империя; участники пробега – французы и жители Одессы; автомобили – итальянские и немецкие; организаторы – градоначальник Одессы и фирмы-производители автомобилей; язык источника информации (газета «Одесские новости») – русский. Не обнаружив здесь привычных (номинальных, этнических или дискурсивных) «атрибутов украинского», участники обсуждения остановились на вопросе о достаточности и обоснованности территориального критерия символической точки отсчета истории автоспорта в Украине. Таким образом, актуальность анализа отношения к прошлому не ограничивается политизацией, использованием образов прошлого в качестве символических маркеров в политических противостояниях. Она, на наш взгляд, *связана с более широким контекстом социокультурных процессов в украинском обществе*, продолжающем конструировать свои символические основания, в том числе и в историческом контексте.

Обращение к прошлому, его периодическая актуализация, способность «его снова «спрашивать» и заново интерпретировать «ответы»», как отмечает Б. Дубин², является одним из признаков и условий здорового воспроизводства общества. Утверждение такого рода означает непринятие монополии исторической науки на формирование и распространение представлений о прошлом, видения проблемы «прошлого» как междисциплинарной и необходимость использования специальных понятий, обеспечивающих возможность такого подхода. Иными словами, данная проблематика требует *понятийного ряда*, который позволяет связать явления социокультурные, индивида и группу в их актуальном, «современном» состоянии, с одной стороны, и историю, прошлое – с другой. С этим связано обращение к понятию *памяти*, которое, как показал М. Хальбвакс, не ограничивается индивидуальным сознанием и тяготеет дисциплинарными рамками психологической науки³. Отталкиваясь от «воспоминаний», Хальбвакс обосновывает их групповые формы существования и распределения, то есть *коллективную память*. Она существует благодаря относительной открытости индивидуальной (автобиографической) памяти для внешних впечатлений, воспоминаний близких, членов группы, а с другой стороны – благодаря непрерывности жизни группы, объединенной вокруг общего интереса. Образы значимых событий прошлого, сформированные переживаниями очевидцев и транслированные через «живой и непосредственный контакт», образуют группу и обеспечивают непрерывность ее существования. Истощение этих образов, потеря значимости событиями сигнализируют *разрыв традиции* и разрушение группы. С другой стороны, изменение набора значимых событий и образов прошлого, забвение и преобразование памяти обозначают собой изменения группы. Различные группы общества культивируют различные памяти, которые в своей совокупности составляют память общества или *социальную память*. И хотя Хальбвакс использует это понятие без кавычек, это скорее метафора, отражающая сложное сочленение конечных жизней отдельных групп и непрерывности жизни общества, функцию поддержания непрерывности жизни социального целого посредством мнемонических практик. *Историческая память*, отождествляемая с историей, завершает ряд предлагаемых Хальбваксом понятий, и с его собственной точки зрения является не совсем

¹ В современной терминологии гонка должна была бы классифицироваться как ралли: есть раздельный старт, хронометраж на финише, экипажи из двух человек. Отсутствие «легенды» при заданных начальном и конечном пунктах соревнования позволяет авторам статьи уточнить свой вывод и назвать ее ралли-рейдом.

² Дубин Б. От традиции к игре: культура в социологическом проекте Юрия Левады // НЛЮ. 2007. № 87. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/du14-pr.html>

³ В ряду понятий, начатом Хальбваксом, кроме исторической памяти можно указать также культурную память и национальную память; разграничения между ними не всегда четкие. См.: Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (№40-41). Режим доступа: <http://www.nz-online.ru/index.phtml?cid=10010434>

удачным конструктом. Объективированная в специальных текстах, история отвечает потребности общества отразить изменения, которые с ним происходят. В этом принципиальное различие содержания исторической и коллективной памяти, где последняя ориентирована на сходствах и поддержании самотождественности группы.

Соблазняющие глубиной интуиции и открывающимися с их помощью перспективами анализа, категории Хальбвакса нуждались в дальнейшей интеграции в систему категорий описания группы, социокультурной обусловленности сознания, а также детальной операционализации¹. Наиболее значимыми здесь являются концепты идентификации (и идентичности), институционализации (и легитимации) и власти (прежде всего символической власти), что определило и последующие дискуссии.

В перспективе категорий Хальбвакса отношение к прошлому может быть понято как функция памяти группы, к которой принадлежит индивид. Базовые оценки событий и персонажей прошлого, таким образом, скоординированы на групповом и социальном уровне актуальной идентификации. Они несут в себе информацию о социальной позиции группы и следы (говоря словами П. Бурдьё) «предшествующих символических битв» по поводу признания «групповых» героев и событий «историческими», то есть значимыми для всего общества.

П. Нора конкретизирует проблематику памяти, помещая ее в пространство социально-исторических изменений французского общества второй половины XX в. и шире – современного общества. Он рассматривает *условия актуализации памяти*, предпосылки «мемориальной эпохи», когда верность прошлому прочно соединяется с чувством принадлежности сообществу, коллективным и индивидуальным сознанием, памятью и идентичностью². Такой подход позволяет типологизировать отношение к прошлому в связи с социально-экономическими, идеологическими, социокультурными процессами, переживаемыми данным обществом, распознавать его по ряду ведущих симптомов. «Традиционное» (по выражению П. Нора) отношение к прошлому характеризуется историческим самосознанием, монополией историка, исторической науки на интерпретацию прошлого. На этой основе формируется единый смысл прошлого, великая «история родины, заслуживающей, чтобы ей жертвовали жизнью». Сакральная история заменяет собой религиозный катехизис и становится легендой, мощным двигателем интеграции и сплоченности национального сообщества. Памяти групп, вернее меньшинств (Нора называет в данном случае рабочих, евреев, монархистов, бретонцев, корсиканцев и женщин) занимают подчиненную позицию в этой схеме традиционной (французской) идентичности. Здесь «лицо» прошлого зависит от целей будущего, которые могут быть поняты как реставрация прошлого, прогресс или революция. Ориентация на одну из этих схем позволяет организовать события в *исторический нарратив*, а с другой стороны, определяет ее (истории) телеологический характер. «Ускорение истории», преобладание в современном обществе процессов изменений над устойчивостью делает будущее неопределенным, нарушает линию связи прошлое-настоящее-будущее, лишает прошлое опоры в будущем и налагает на настоящее «долг памяти», как отмечает Нора. Память успешно конкурирует, в некоторых случаях вытесняет историю и становится центральной идеей нового отношения к прошлому: именно память должна помочь рефлексизирующему настоящему отыскать свою идентичность. Важно понять, что обращению к памяти предшествует осознание разрыва связи с прежним миром, его потери. *Эффект «аккумуляции»* связан с ощущением утраты и ведет к «раздуванию» функции памяти, гипертрофии ее учреждений и орудий (музеев, архивов, библиотек, коллекций, компьютерных каталогов, банков данных, хронологий и т.д.)

¹ Olic J.K. Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology, Vol. 24 (1998). Pp. 105-140; Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. Vol. 41. № 2 (May 2002). Pp. 179-197.

² Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005 № 2-3 (№40-41). Режим доступа: <http://www.nz-online.ru/index.phtml?cid=10010434>

Другой предпосылкой *господства памяти как отношения к прошлому* является «демократизация» истории, широкое движение эмансипации в современном мире, затрагивающее как народы и этносы, так и группы и отдельные личности. Нора раскрывает этот процесс через идею о *трех видах деколонизации*: *всемирной*, связанной с распадом колониальных империй; *внутренней*, свойственной западным обществам и связанной с эмансипацией меньшинств (сексуальных, религиозных, региональных и др.); и *идеологической деколонизации*, связанной с обращением освободившихся народов к искажавшейся либо запрещавшейся традиционной памяти (сюда Нора относит Россию, Восточную Европу, балканские страны, Латинскую Америку и Африку). Память здесь неожиданно приобретает «престиж демократии и протеста» по сравнению с историей, находящейся в руках власти и ученых.

Смена типов отношений к прошлому связана также с *изменениями актуальной модели социального времени*, в частности – с отказом от революционной модели времени. Во Франции, как отмечает Нора, конец революционной идеи был связан с идейным крахом марксизма, дискредитацией Советского Союза и упадком коммунистической партии (хотя, вероятно, предпосылки этого процесса более широки). *Идея революции* включала волю к разрыву с прошлым, готовность отменить, запретить или уничтожить те его следы и остатки, которые не пригодятся в будущем. Противоположностью разрыву стала реабилитация традиции, причем такой, что навсегда утрачена и потому драгоценна. Таким образом, революционную модель времени сменяет культ традиции, историческое самосознание превращается в социальное сознание вспоминающих сообществ.

Таким образом, понятия истории и памяти ассоциируются с двумя стратегиями конструирования и использования прошлого, характеризующиеся различными состояниями социокультурного целого. Смешение, механическое соединение этих понятий, например определение исторической памяти как массового знания о прошлом социальной реальности¹, непродуктивно, приводит к запутыванию ситуации исследования и фактически нейтрализует аналитический потенциал каждого. Отношение к прошлому в современном обществе может быть понято как *присвоение (апроприация)*, *превращение прошлого в наследие (heritage)* как следствие осознания разрыва с ним, отмечает Д. Лоуэнталь². Мотивы такого обращения разнообразны: понимание, обогащение, бегство – но центральным является потребность в идентификации. Актуализация прошлого затрагивает разнообразные формы знания о нем, включая историческую науку, и способы его использования (туризм, медиа, образование), обращающие особое внимание на события и материальные следы прошлого, которые в большей степени осознаны массовыми представлениями как предмет исторического изменения.

П. Рикёр обращает внимание на *«историческое состояние»*, то есть переживание неудобного, часто непереносимого прошлого, осмысленного в его связи с актуальным состоянием общества³. Функционирующая на социальном уровне и подчиненная задачам коллективной идентичности память подвергается идеологической манипуляции, «злоупотреблениям памятью», «злоупотреблениям забвением». Об опасностях использования прошлого в нравственной и политической сферах говорит и П. Нора: эмансипация группы, одушевляющая и сакрализующая ее память, может перерасти в свою противоположность, ориентировать на замкнутость, исключение, превращать память в орудие войны. Иными словами, использующее память в обосновании своей идентичности сообщество также оказывается перед перспективой *активного конструирования*, переосмысления, ревизии прошлого. Будучи рассмотренными в пространстве множественности сообществ и их памятей, эти стратегии конструирования с необходимостью конкурируют, подвергаются критике и нравственному анализу.

¹ Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом. Теория и история. В 2 т. Том 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 241.

² Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2004.

³ Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской, Г.М. Тавризян. М., 2004.

В рамках социологии знания *прошлое* определяют как *особый тип социальной реальности, исключаящий непосредственное к нему обращение и данный нам посредством объективаций*¹. Любое описание человеческих действий оказывается описанием прошлого, поскольку действия имеют моментальный характер и уже совершены к моменту рассказа. Способность же людей называть события произошедшими в прошлом, приписывать им этот статус связаны с переживанием различия или тождества предмета обсуждения и актуальной реальности, современности². Конструкция прошлой реальности (прошлого) определяется конструкцией настоящего и его задачами. В частности, задачи развития, изменения, а также осознание происходящих изменений активизируют обращение к прошлому как в форме специализированного знания (истории), так и в форме массовых знаний о прошлом, знаний повседневных и профессиональных (философских, религиозных, идеологических, общественно научных). Внимание в этом случае уделяется образам прошлого и специфическим источникам о прошлой реальности, в противовес той части прошлого, которая является частью настоящего.

На это обращает внимание М. Оукшот, который выделяет *три типа прошлого*³. *Практическое, утилитарное прошлое* является частью настоящего («Дома, в которых мы живем, книги, которые мы читаем, изречения, которые мы повторяем»). Второе прошлое – *зафиксированное* – образуют продукты человеческой деятельности, воспринимаемые, как созданные в прошлом (раритеты, антиквариат). Прошлое третьего типа – *сконструированное* – физически не присутствует в настоящем, представлено в сознании и воображении посредством исторических текстов, разнообразных свидетельств, искусства, медиа и т.д. Иными словами, для событий и персонажей быть частью прошлого, обладать статусом «прошлого» (а не, например, старого, устаревшего) – означает быть социально воспринимаемыми в соотнесении с образом прошлого, в категориях прошлого. Таким образом, приобретение этого статуса событием или персонажем зависит не от количества лет, отделяющих их от актуального настоящего, а от наличия сконструированного и легитимного образа события и персонажа и смыслов, признанных значимыми в категориях прошлого. Такое видение помещает в центр внимания символическую работу социокультурного целого по созданию и организации прошлого, поддержанию и воспроизводству актуальной его картины либо ее реформирования, переформулирования. Умерший человек превращается в знак, как отмечает М. Ямпольский, читая рассуждения Ж. Батая о жертвоприношении⁴. Так же и события, уходя из настоящего, становятся знаками текста прошлого, интегрируются в его образ и обретают бессмертие в адекватной интерпретации. Те же бесчисленные факты и лица, излишние или не вписывающиеся по смыслу в актуальные синтагмы прошлого, подвергаются забвению. Аналогичные процессы происходят и с вещами, одни из которых отправляются в музей, а другие – на свалку, что не исключает между тем их путешествия в обратном направлении.

Иными словами, «*работа памяти*» (словами Рикёра), *проработка прошлого* (в категориях Адорно), как и процессы *исторического самосознания* и *социальной памяти* – это «*работа*» над символами и значениями. Это работа культуры, где интерпретация того или иного знака определяется в соотношении с базовыми ценностями культуры, а воля коллективов, отдельных личностей и власть институтов являются лишь аспектами этого процесса. Путь обретения знаком, в который обратились прошедшие события и персонажи, интерпретации и символического места в картине прошлого – это борьба интерпретаций, борьба за интерпретации, перспективы которой связаны с интересами и социальной силой интерпретирующих агентов, или один из аспектов символической борьбы.

¹ Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом. Теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003.

² Наблюдения за подобными процессами обращали на себя внимание Т. Адорно. См.: Адорно. Т. Что означает «проработка прошлого» // НЗ. 2005. № 203 (№40-41). Режим доступа: <http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=30011356>

³ Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом. Теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 227.

⁴ Ямпольский М. Смерть в кино // Искусство кино. 1991. № 9.

Таким образом, *отношение к прошлому* можно определить как совокупность значений *тех или иных символов (знаков) прошлого, воспроизводимых индивидами посредством спонтанных высказываний, эмоциональных оценок, культурных текстов (дневники, письма, мемуары и др.), разнообразных поведенческих реакций (в том числе участия в комеморативных практиках и ритуалах), а также мнений, выясняемых специальными исследовательскими процедурами.* Значения символов прошлого принципиально множественны, доступ к конкретным значениям обусловлен социокультурным опытом индивида, его позицией и доступом к каналам распространения этих значений. С этой точки зрения, отношение к прошлому – это восприятие исторических событий и персонажей, где опосредующими селективный процесс фильтрами выступают адекватные и доступные позиции индивида символы прошлого. Принимаемые и легитимизированные символы, таким образом, определяют отношение, уже – оценку, которую индивид может дать историческому событию или персонажу. Такой подход позволяет в теоретической конструкции «отношение к прошлому» учесть возможности «мертвых зон» или «слепых пятен» в восприятии каких-либо исторических событий, а также процессы «миграции» таких зон¹.

Для определения характера отношения к прошлому важными оказываются не только значения и символы, приписываемые отдельным событиям и персонажам, но и технологии символизации, характеризующие конкретные модели прошлого, модели памяти и исторического сознания. Так, для «исторического самосознания» (в понимании Нора) с его монополией историка и интересов национального государства на создание образа прошлого актуальными являются символы величия, подвига, героизма, а также разделение и иерархия символов официальной национальной истории и неофициальных групповых памятей. Референтом доминирующих символов здесь является национальное государство, общество в целом, а ведущей формой репрезентации – монументальные сооружения, памятники, официальные комеморативные мероприятия (государственные праздники).

Для эпохи «демократизации истории» (в категориях Нора) характерным представляется преодоление иерархии общезначимых и локальных или неофициальных символов прошлого, их отношения из вертикальных тяготеют к горизонтальным. А в контексте эмансипации разнообразных сообществ и групп особое значение приобретают символы травмы, трагедии, страданий, жертвы. Это не означает исключения символов героизма, например, из арсенала символической политики: постепенно обнаруживаются герои с новой референцией (локальные, групповые), но этот процесс требует значительно больше времени. Расширяется (прежде всего за счет локальных сообществ, заинтересованных групп) перечень агентов символического производства, изменяется эстетическая парадигма мемориальных сооружений (одна из тенденций в данном случае – движение от безличного пафоса к персонификации, непосредственности переживаний).

Спаянность, сочлененность проблематики отношения к прошлому, социокультурных изменений и идентичностей заставляет особое внимание обращать на характер групп (сообществ), имеющих тенденцию активно вступать в символическую борьбу за прошлое. В контексте задач операционализации понятия «отношение к прошлому» могут возникать вопросы, подобные следующим. В условиях актуализации памятей, какие из групповых принадлежностей наиболее значимы для индивида: группы первичной или вторичной социализации, территориальные или этнические, профессиональные или гендерные, стилевые и т.д.? С нашей точки зрения, прямой ответ на эти вопросы возможен лишь при анализе конкретной ситуации, однако актуализированные в данном контексте группы или сообщества будут иметь общие характеристики. А именно, группа должна осознать перемены как разрыв с прошлым, а символы прошлого должны быть осознаны как ресурс интеграции и идентификации группы и ее включения в символическую борьбу. Если, как утверждают С. Макеев и

---

¹ Об этих процессах пишет Б. Дубин, анализируя отношение в современной России к событиям 1991 г. В частности, уход со сцены советского общества как активного субъекта коллективного сознания «стирают из памяти» общества и связанные с ним события. См.: Дубин Б. Точка, линия, дата, или Год, которого не стало // НЛЮ. 2007. № 84.

А. Патракова¹, оценка трех модусов времени в период травмирующих перемен имеет «первостепенное значение среди индивидов, конституирующих установки и ориентации параметров», то актуализация памяти и символов прошлого происходит в иных условиях. В отличие, например, от пессимистических настроений на фоне неудовлетворенности складывающимися условиями жизни, стратегий возврата к старым принципам взаимодействия, которые также связаны с обращением к прошлому, актуализация памяти является следствием принятия изменений и освоения актуализированных, ставших доступными благодаря изменениям символических средств и стратегий (в данном случае – символов прошлого).

Применение обозначенной выше трактовки понятия «отношение к прошлому» к анализу процессов современного украинского общества должно учитывать ряд особенностей использования прошлого и отношения к прошлому. *Возникновение и становление независимого украинского государства*, безусловно, является ведущим фактором символических трансформаций. По сути, речь идет о возникновении украинского государства как нового субъекта символического конструирования, что неизбежно означает необходимость переформулирования значимых для общества и отдельного индивида символов в новых категориях. И эти процессы разворачиваются также и в сфере осмысления прошлого, истории, памяти. Интересы независимого украинского государства в сфере символического актуализируют, создают и других субъектов символического конструирования (локальные, территориальные, отдельные организации, движения, политические партии и т.д.). Процессы изменений в сфере доминирующих символов (государственные символы, государственный язык, государственные праздники и т.д.) неизбежно влияют на позиции в символическом пространстве отдельных сообществ и групп (усиливают, нейтрализуют, ослабляют, усложняют и т.д.). Ярким примером этого являются дискуссии и выступления по языковому вопросу, о статусе русского языка и т.д.

Вместе с тем наблюдаемые тенденции эмансипации групп символических интересов и более широкий контекст политических, экономических, социальных трансформаций постсоветского периода в Украине не дает достаточно оснований для применения аналитической модели П. Нора, различающего эпохи «исторического самосознания» и «торжества памяти». С нашей точки зрения, современная ситуация символического конструирования прошлого в Украине демонстрирует наложение тенденций «доминирования истории» и «доминирования памяти». Мы наблюдаем активные шаги государства с опорой на авторитет исторической науки (например, в упоминавшейся выше тематике Голодомора) и соответствующие им мемориальные стратегии и стилистику репрезентаций (установка монументов, введение общегосударственных дней памяти и т.д.). С другой стороны, практика установления памятников, например, демонстрирует мемориальные тенденции разнообразных групп интересов вне политического поля (например, «Футбольный мяч» в Харькове или скульптуру Дж. Юза в Донецке²). Формируются и другие внеполитические группы символических интересов (альтернативы идеологизированной памяти³) в отношении прошлого, связанные с туризмом, культурной индустрией, отдельными сферами деятельности и т.д. Иными словами, исследование должно учитывать возможности активной роли субъектов как общегосударственного, так и локального уровней, как институционализированных групп, так и временных объединений, властных институтов, научных организаций, отдельных индивидов и т.д.

Другим аспектом специфики украинской ситуации в отношении к прошлому являются *региональные различия*. Неоднородности социокультурного пространства украинского общества (языковые и культурные, исторические, природно-географические, экономические и т.д.) влияют на то, как переживаются и осмысляются населением постсоветские трансформации, какие средства символической борьбы актуализируются и в какой степени. Следует

¹ Макеев С., Патракова А. Региональная спецификация социокультурных различий в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 109-125.

² Міхєєва О.К. Організоване забуття та феномен пригадування (на прикладі пам'ятників Донецька // Критика. 2006. 9 (107), вересень.

³ Портнов А. Упражнения с историей по-украински // Ab Imperio. 2007. № 3. («Суд истории»)

учитывать то, какая из моделей отношения к прошлому (основанная на истории или памяти) является в конкретном регионе доминирующей. В частности, многие различия в отношении к прошлому *востока и запада Украины* связаны с не утрачивающей актуальность на востоке революционной моделью времени (в категориях П. Нора) и ориентацией на символы и стилистику репрезентации, свойственную официальной истории. Поэтому, на наш взгляд, на востоке слабо поддерживаются символы жертвы и травмы, а на западе отторгаются символы величия и подвига. Связь же этих реакций с «российско-советской» либо «украинской» парадигмами (нарративами) историографии, на чем настаивает, например, В. Серeda¹, обусловлена не столько укорененностью соответствующей парадигмы в региональном историческом сознании, сколько использованием самими этими парадигмами соответствующих технологий символизации. Это, в силу рассматривавшихся выше причин, определяет степень значимости для населения отдельных регионов отношения к прошлому как одного из аспектов социальных представлений (что выражается, например, в готовности отвечать на вопросы об исторических личностях, степени осведомленности об исторических событиях), и лишь затем – воспроизводство определенных значений символов прошлого (что выражается уже в оценке деятельности конкретных исторических личностей или событий).

Важным аспектом отношения к прошлому в современной Украине является «российское влияние», а точнее – реакция на существенные различия в доминирующих актуальных стратегиях использования прошлого в России и Украине. Благодаря близости культур и языков, билингвизму и доминированию русского языка в повседневном общении значительной части населения, открытости украинского информационного пространства для русскоязычных медиа и др. факторам, украинские зрители оказываются «интерпретирующей аудиторией» и реципиентом «российского опыта»². В частности – тех процессов изменения отношения к прошлому, прежде всего – советскому, что фиксируется многими исследователями³. Здесь центральным элементом содержания становится идеализация советского («брежневского»), а конструирующим принципом – социальное упрощение, репродукция посредством вытеснение памяти об изменениях, ценность порядка и стабильности.

Подытоживая обзор теории и анализа практики использования прошлого в украинском обществе, можно сказать, что наиболее заметными, отработанными объясняющими схемами является сейчас метафора различий, иногда драматизируемая до «раскола». При этом время и пространство (в образах прошлого и региональных различий) как бы отражаются друг в друге, перетекают одно в другое, замыкаются друг на друге. Это свидетельствует о дефиците объяснительных конструкций, а также упрощенности символических моделей, закладываемых в основание анализа. Реальность дает более сложные сочетания, в том числе и рассмотренных выше базовых символов «украинское» и «советское», что подтверждается расширением базы анализа и сравнения, в том числе межрегионального.

Эта точка зрения обнаруживает подтверждение при анализе предпочтений и оценок современным украинским студенчеством исторических фигур и деятелей прошлого.

---

¹ Серeda В.В. Аналіз зв'язку преференцій респондентів Львова і Донецька щодо національного минулого з їх соціально-демографічними характеристиками // *Методологія теорії та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць*. Харків, 2006. У 2 т. Т. 2. С. 252-257.

² Кустарев А. Практики обращения к прошлому в постперестроечной России: нарратив и инвокация // *Ab Imperio* 4 (2004), 2(2005); 20. Тарощина С. Отключи мозги – включи «ящик» // *Газета.ру*. 2008. 9 января. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/kolonka.shtml>; Дубин Б. Общество: Союз телезрителей // *Ведомости*. 2006. 30 мая. Режим доступа: <http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id=2906>; Дубин Б. Старое и новое в трех телеэкранизациях 2005 года // *НЛО*. 2006. № 78; Дубин Б. Бремя победы // *Критическая масса*. 2005. № 2; Дубин Б. Конструкция власти и репродукция власти: механизмы забывания и повторения // *Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития*. М., 2007. С. 100-110.

³ О том, что смотреть российское телевидение и разделять его ценности – это не одно и то же (на примере Литвы) – см.: Малукевичус Н. М'яка сила проти інформаційної геополітики: межі російської інформаційної політики в пострадянській державі // *Незалежний культурологічний часопис «І»*. 2007. № 50.